

Научная статья

УДК 7.03

DOI: 10.36871/hon.202504078

**ДАЧА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И КУЛЬТУРА ДАЧИ
(XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)***Владимир Павлович Богданов*¹Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова²Российская государственная специализированная академия искусств¹119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1²121165, Российская Федерация, Москва, Резервный проезд, 12

vpbogdanov@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3129-406X

Термин «дача» можно встретить еще в писцовом делопроизводстве как обозначение территорий, выданных в пользование. Часто эти земли были «неразмежеванные» и использовались коллективно [6]. После побед в Северной войне Петр I стал раздавать земли вдоль дороги из Санкт-Петербурга в Петергоф. «Дача» в значении роскошной загородной резиденции встречается у А. С. Пушкина в неоконченном произведении «Гости съезжались на дачу» (1828). В начале XX века герой чеховского «Вишневого сада» (1903) Ермолай Лопухин справедливо констатировал: «...все города, даже самые небольшие, окружены теперь дачами», то есть они стали вполне доступным и демократичным явлением. Их изображения — весьма расхожий сюжет на почтовых открытках, рекламных объявлениях XIX – начала XX века. С 1860-х годов дачные темы наполнили литературные произведения и картины русских художников, а многие произведения литературы и искусства были созданы именно на дачах. Без преувеличения можно сказать: русская дачная традиция — уникальное явление мировой культуры. В какой-то степени дачи взяли на себя функции старых «дворянских гнезд», придя на смену вековой усадебной жизни. Однако в отличие от помещичьего или крестьянского, дачный быт носил характер чего-то временного, что выводит указанное явление на уровень философского понимания.

Ключевые слова: дача, культура, искусство, литература, «дачный муж», город, инфраструктура, творчество

Для цитирования: Богданов В. П. Дача в русской культуре и культура дачи (XIX – начало XX века) // Художественное образование и наука. 2025. № 4 (45). С. 78–88. <https://doi.org/10.36871/hon.202504078>

Original article

**THE DACHA IN RUSSIAN CULTURE AND THE CULTURE OF DACHAS
(XIX – EARLY XXTH CENTURIES)***Vladimir P. Bogdanov*

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Russian State Specialized Academy of Arts

12 Reservny pr., Moscow, 121165, Russian Federation

vpbogdanov@gmail.com, ORCID: 0000-0002-3129-406X

© Богданов В. П., 2025

The term “dacha” can even be found in clerical records, where it designates territories granted for use. These lands were often “non-demarcated” and used collectively [6]. After his victories in the Northern War, Peter the Great began distributing land along the road from Saint Petersburg to Peterhof. The term “dacha” in the sense of a luxurious suburban residence appeared in A. S. Pushkin’s unfinished work *Guests Gathered at the Dacha...* (1828). At the beginning of the XXth century, the hero of Chekhov’s *The Cherry Orchard* (1903), Ermolai Lopakhin, quite rightly stated: “All cities, even the smallest ones, are now surrounded by dachas”, i. e. they had become quite accessible and democratic. Images of dachas have become a very common motif on postcards and advertisements. Since the 1860s, dacha themes have filled the literary works and paintings of Russian artists, and many works of literature and art were created in dachas. It is no exaggeration to say that the Russian dacha tradition is a unique phenomenon in world culture. To some extent, dachas took over the functions of the old “nobles’ nests”, replacing century-old manor life. However, unlike the lives of landowners or peasants, dacha life was temporary in nature, which elevates this phenomenon to a philosophical level.

Keywords: dacha, culture, art, literature, “dacha man”, city, infrastructure, creativity

For citation: Bogdanov V. P. The Dacha in Russian Culture and the Culture of Dachas (XIX – early XXth centuries). *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka [Arts Education and Science]*. 2025, no. 4 (45). P. 78–88. <https://doi.org/10.36871/hon.202504078> (In Russian)

На дачной скрипучей веранде
Весь вечер царит оживленье.
К глазастой художнице Ванде
Случайно сползлись в воскресенье
Провизор, курсистка, певица,
Писатель, дантист и девица.

Саша Черный

Впервые слово «дача» в близком к современному значению встречается в законодательстве 1840-х годов: в Указе 1844 года [13] и Высочайше утвержденном мнении Государственного Совета 1847 года [14]. Законы четко отделяли дачи от других типов земель и домовладений, предписывали владельцам пустующих земель «устройство дач красивых, удобных и вполне соответствующих своему назначению». Под дачи разрешалось выделять землю в 25-ти верстной зоне вокруг Москвы и Санкт-Петербурга.

В настоящей статье под *дачами* будут подразумеваться загородные резиденции, рассчитанные на временное пребывание (главным образом, в теплое время): они часто «заколачивались» на период, когда в них никто не жил: «Дача наша запиралась на всю зиму и отпиралась лишь за три дня, чтобы солнце согрело ее к переезду» [7, 48].

Дачи появляются в ту эпоху, когда город становится основным сосредоточием административной, культурной, экономической и жизни. Для людей, связанных с ним, довольно трудно надолго покидать место службы или коммерческой деятельности. Поэтому многие дворяне, владельцы поместий предпочитали в летнее время снимать дачи в окрестностях крупных городов: переби-

раться в имение было затратно и хлопотно. Например, А. С. Пушкин в апреле 1831 года в письме к П. А. Плетневу писал: «Найди мне фатерку... на какой бы то ни было улице царскосельской... Был бы особый кабинет — а прочее мне все равно». В результате Пушкин снял восемь комнат в доме, принадлежавшем жене придворного камердинера А. К. Китаевой [22, 195], где с мая по октябрь прожил с молодой женой (ныне здесь «Мемориальный музей-дача А. С. Пушкина»). При этом Пушкины могли уехать в любое из своих (или родительских) имений.

Постепенно наем летних резиденций разной степени комфорта оказался доступным самым широким слоям населения. Ко второй половине XIX века дачи стали очень популярны, окончательно лишились сословной привязки и перестали ассоциироваться с дворянской культурой. Дочь П. М. Третьякова В. П. Зилоти вспоминала, что ее родители (купцы) «заделались» дачниками с самого начала семейной жизни (свадьба состоялась в 1865 году) [7, 45].

Мода на дачи проникла и в провинцию. В селе Донаурово Уржумского района Кировской области на высоком берегу реки Вятка есть улица Набережная. Она застраивалась в начале XX века дачами жителей Уржума. До сих пор здесь можно увидеть дом многолетнего гласного Уржумской уездной земской управы Ефима Ивановича Селюнина (в нем, кстати, летом живут его потомки) или купца Шамова.

Цель предлагаемой статьи: оценить значение дачной жизни в русской культуре. Задачи: выявить и рассмотреть дачные сю-

жеты в произведениях литературы и изобразительного искусства, а также проанализировать дачный нарратив в мемуарной литературе, сопоставив его со справочной информацией и публикациями прессы XIX – начала XX века. Для автора это еще и заявленная некоторое время назад на страницах журнала возможность на новом материале рассмотреть потенциал произведений литературы и изобразительного искусства как исторических источников [2].

Дача — это не крестьянское или помещичье хозяйство, которые самодостаточны и могут приносить стабильный доход или хотя бы «прокормить» своих владельцев. Она (если речь не идет о бизнесе) подразумевает затраты и является неким элементом роскоши, чем-то «дополнительным», без чего можно обойтись. Дачи используют для временного пребывания (что также их отличает от крестьянских или помещичьих хозяйств, рассчитанных на постоянную жизнь). Такая форма позволяет отгородиться от основных трудозатрат: они перекладываются на владельцев, которые и сдают их в наем, а если владелец сам пользуется дачей, то порядок он в ней наводит лишь в момент пребывания (главным образом, в теплое время). Владелец, и уж тем более наниматель дачи психологически свободны от того, чтобы поддерживать в ней постоянный порядок.

Если усадьба помещика или крестьянина теоретически может быть и в сельской местности, и в городе: последнюю мы как раз видим на картине В. Д. Поленова «Московский дворик» (1878), то дача может быть только за городом. Дача — это возможность на какое-то время вырваться из линейности времени, присущей городу, и попасть в сельскую цикличность.

В то же время дача предполагает возможность переноса комфорта города за город. Если А. П. Чехову, гостившему у Алексеевых в подмосковной Любимовке, что-то было нужно, он писал записку брату владельца. Тот ежедневно ездил в Москву, там посылал управляющего достать все необходимое и вечером по возвращении сам привозил все «заказчику» [3, т. 2, 21].

Все это создает своеобразную психологию дачника. Он относится к даче как чему-то временному, к тому, что позволяет по-городски комфортно и по-деревенски циклично проводить время без постоянного погружения в бытовые проблемы. Данное состояние можно в любой момент прервать.

В. Г. Шукин на примере А. П. Чехова-дачника отмечал: для него природа не храм (как для Тютчева, Тургенева, Бунина) «и не мастерская (как для тургеневского Базарова), а большой дом, пригодный для труда, а более того — для отдыха» [24, 439].

На рубеже XIX–XX веков дача для своих обитателей — возможность своеобразного этнографического погружения. Она открывает быт крестьян или исчезнувший мир помещичьей жизни. Например, в 1888 году Чехов описывал окружавшие его дачу атрибуты деревенской жизни: соловьев, лай собак, поэтичные усадьбы, «в которых живут души красивых женщин, не говоря уж о старых, дышащих на ладан лакеях-крепостниках», даже о водяной мельнице «с мельником и его дочкой» [там же]. В настоящее время, когда дачные поселки обрастают соответствующей инфраструктурой и когда по соседству с дачным поселком находится другой, «этнографическая составляющая» давно ушла в прошлое.

Но эта «этнография» дачи тоже имеет характер временности. Захотел, погрузился в эту атмосферу, захотел — вышел из нее. Примечательно, что на одной из первых картин, отображающих дачную жизнь (*Быковский Н. М.* На даче. Девочка за чисткой ягод. 1880), изображена девочка в деревенском доме с элементами именно крестьянской одежды: рубаха с вышивкой, расшитый передник. Однако кокетливые полусапожки на небольшом каблучке (а она находится в доме) выдают в героине городскую жительницу. То есть юная ягодня явно хотела выглядеть, как местные крестьянские девочки, и только обувь носила городскую.

Дачная психология (отношение к чему-либо как временному пребыванию) охватила и некоторых помещиков. Таковы чеховские персонажи, например Серебряков из пьесы «Дядя Ваня» (1896): он может наслаждаться красотами природы, но готов в любой момент от них отказаться, а имение продать, или Гаев из «Вишневого сада». Последний искренне радуется тому, что рядом проходит железная дорога и можно в любой момент съездить в город и пообедать. И это при том, что он живет в усадьбе, которая предполагает возможность постоянного питания, гораздо менее затратного по стоимости, чем обед в городском ресторане, для получения которого еще надо потратить деньги на дорогу.

Такая отрицательная черта осознавалась самими дачниками. В одноименной пьесе Горького 1904 года героиня говорит: «Мы живем на земле чужие всему... мы не умеем быть нужными для жизни людьми», «эти дачники... появятся, насорят на земле — и нет их».

В то же время для лиц с небольшим доходом дача представляла собой возможность сократить расходы. Их цена была относительно низкой и выплачивалась «за весь сезон», в отличие от квартир, стоивших дороже и оплачивавшихся помесечно. Для тех, у кого не было постоянного городского жилья, это представляло собой экономию. Поэтому некоторые дачники жили за городом с апреля по октябрь [25, 60], от тепла до самых холодов. Как писала Тэффи в рассказе «Дачный сезон» (1923): «У нас начинали искать дачу в марте, когда еще снег лежал и ничего видно не было». После дачи перебирались на новую квартиру в город, и делать это тоже надо было заранее. В. И. Суриков в 1910 году писал: «Завтра едем с дачи искать квартиру, покуда не разобрали» [18, 135]. При этом письмо датировано 9 июня, когда одни открывали дачный сезон и освобождали квартиры, а другие уже задумывались о времени после лета. Возможность экономии бюджета также способствовала популярности дач.

В рассказе А. П. Чехова «Из воспоминаний идеалиста» (1885) описывается забавная история, как московский чиновник отправился 10 мая на станцию Перерва (ныне район столицы) снять на даче комнату. При этом выясняется, что хозяйка сама снимает дачу за 120 рублей. Поскольку деньги для нее не маленькие, она готова сдать угловую комнату кому-то еще (25 руб. за 28 дней). Налицо своеобразная «субаренда».

Короткий рассказ отразил характерные черты одного из видов дач последней четверти XIX века. Во-первых, она находится рядом с крупным центром (кстати, в Перерве в 1881 и 1896 годах снимал дачу художник В. И. Суриков). Во-вторых, это место проживания в теплое время года и возможность отдыха. В-третьих, возможный источник дохода.

Последнее качество дач отражено в пьесе Чехова «Вишневый сад» (1903). Ермолай Лопухин предлагает вырубить вишни в имении Гаевых-Раневских, чтобы «понастроить дач». Многие владельцы усадеб были не так консервативны, как Гаев и Раневская. Граф С. Д. Шереметьев с 1870-х годов начал сдавать под дачи земли в своем имении Кусково

[4, 198], в соседнем Гиреево в 1900-е годы помещик А. И. Торлецкий из фамильного имения тоже сделал дачный поселок [там же, 185]. В. П. Зилоти вспоминала: «В Кунцеве дач было, к счастью, немного: у Солдатенкова дач 15, у Солодовниковой дач восемь, а у Шелапутиных — и того меньше» [7, 70]. Налицо купеческие фамилии «первой величины», для которых дачный бизнес стал одним из источников дохода. Дробление больших земельных участков под мелкие и сдача/продажа под дачи были распространены не только в Центральной России. Химик А. Н. Саянов в 1906 году, получив значительный земельный участок в окрестности Геленджика, разбил его на 14 дач и успешно продал по цене 2,5 руб. за сажень [19, 54]. Подобным образом поступали и другие владельцы крупных участков на черноморском берегу: на этом, в частности, строился бизнес О. М. Соловьевой и П. И. Губонина в Крыму.

Внешний вид дач (он хорошо передан и на картинах, и на фотографиях), как в среднерусской полосе, так и на юге, имеет общие черты: наличие террасы/веранды или широкого крыльца, второго этажа или мансарды. Дачные террасы/веранды воспеты не только в стихах Саши Черного, вынесенных в качестве эпиграфа этой статьи, но и в картинах К. А. Коровина «За чайным столом» (1888), Б. М. Кустодиева «На террасе» (1906). Здесь пили чай, обедали, принимали гостей.

По географическому принципу, который, в свою очередь, определяет и их характер, дачи можно разделить на три типа.

Первый тип — *дачи в окрестностях Петербурга*. В основном, это загородные дома вблизи императорских резиденций: Царского села, Петергофа и др. Подавляющая часть дачников — семьи состоятельных лиц (в первую очередь, дворян), связанные в основном с государственной службой. Этот тип появился раньше остальных и уже ко второй половине века оброс значительной инфраструктурой. Так, В. Г. Белинский, снимавший летом 1844 года дачу «у Лесного института» (на Черной речке), жил по соседству с И. С. Тургеневым и Н. А. Некрасовым [14]. В романе А. Ф. Писемского «Мещане» (1877) тайный советник Тюменев снимал дачу в Петергофе.

На дачах в окрестностях Петербурга была налажена и система развлечений. В частности, «на острова» в 1860–1870-е годы приезжали жители Петербурга: «Время идет довольно весело: гуляю в Летнем саду почти каждый

день, вчера ездил на гулянье в Новую Деревню на дачи, был в Петергофе», — писал В. И. Суриков родным 10 июня 1869 года. А 7 августа того же года он скажет даже более четко: «...в хорошую погоду вознаграждаешь себя прогулкой на пароходе на дачи или острова, где почти каждое воскресенье бывают песельники, акробаты, музыка, фейерверки и проч.» Или: «Живу довольно весело, езжу иногда к товарищам на дачи в Новую Деревню, в Гатчину и Павловск. 11 ч[исла] июля будет гулянье в Петергофе. Думаю съездить туда. Туда ехать недолго на пароходе — часа два» (6 июля 1870) [18, 25, 26, 33].

Постепенно дачные поселки появились и в более отдаленных от столицы уголках. В начале XX века в деревушке с финским названием Куоккала (ныне Репино) была не только усадьба И. Е. Репина «Пенаты», в которой он жил постоянно, но и дачи К. И. Чуковского, В. В. Маяковского и других деятелей культуры, которые приезжали сюда на время. Осваивались и в местах на побережье Финского залива или Балтийского моря. Одно из них — Силламяги (Силламяэ). Этот населенный пункт мы можем видеть на картине Н. Н. Дубовского «Дача в Силламягах» (1907). Ученый-физиолог И. П. Павлов снимал здесь дачу на протяжении четверти века, а по соседству жили многие деятели культуры: «художники Н. Н. Дубовской, Р. А. Берггольц, К. А. Сомов, А. А. Редковский, ученые В. И. Палладин, Д. Н. Зернов, А. А. Курбатов, А. А. Яковкин, А. С. Фаминцын и др. Бывали на Нарвском побережье и известные писатели и поэты — И. А. Гончаров, К. К. Случевский, Саша Черный (А. М. Гликберг), Я. П. Полонский. Однажды здесь останавливался и П. И. Чайковский» [5].

Второй тип дачи, лишенный «дворцовой» атмосферы, это *дачи в Центральной России* — окрестностях Москвы и губернских центров, привлекавшие представителей самых разных социальных слоев (в том числе и героя чеховского рассказа).

В путеводителе по московским окрестностям 1894 года [16] (выход подобной литературы говорит о популярности дачных мест Подмосковья) дачные места сгруппированы в три раздела по степени удобства транспортного сообщения:

а) «лежащие не по железным дорогам» (например, «Сокольники. Сообщение с “городом” (с центром Москвы) весьма удобное, и недорогое, благодаря конно-ж. д. Плата за

проезд от Ильинских ворот до Сокольников 15 коп. внутри вагона и 9 коп. наруже»);

б) «сообщающиеся посредством конной и паровой тяги» (например, Воробьевы горы. До Калужской заставы можно проехать по конно-жел. дор. за 10 коп. затем пересест на паровую и заплатить еще 10 коп.);

в) «лежащие по линиям жел[езных] дорог». Если первые два типа уже не актуальны (поскольку эти территории вошли в пределы Москвы), то третьи места сохраняют свою привлекательность: Малаховка («за Косиным железнодорожные поезда останавливаются на станции Люберцы — на 19 версте от Москвы. Лица, не стесняющиеся средствами, могут найти здесь прекрасные, вполне благоустроенные дачи в имении г. Носова... За этою станцией есть полустанок Малаховка, где в последнее время выстроено немало дач, но цены на них нельзя признать дешевыми») Быково, Мамонтовка, Фирсановка и др.

Наконец, третий тип дач — это *резиденции в курортных зонах* (в первую очередь, Причерноморья).

Некоторые знатоки ценили достоинства каждого типа дач и старались ими пользоваться. Пример тому — певец Федор Иванович Шаляпин (1873–1938). В 1904 году он приобрел участок земли (Ратухинскую пустошь) на берегу реки Нерль (неподалеку от станции Итларь Ярославской железной дороги), где построил дачу [7, 181] рядом с художником К. А. Коровиным [9, 97].

В 1912–1914 годах Ф. И. Шаляпин выстроил загородный дом в Нерехтском уезде Костромской губернии (ныне Шаляпино Приволжского района Ивановской области). При этом он часто гостил на дачах в районе Финского залива. Одна из достопримечательностей современного Сестрорецка — «беседка Ф. И. Шаляпина». Считается, что прославленный певец любил в ней отдыхать после своих выступлений. В Петербурге особняк купца Д. А. Котлова, выстроенный в псевдоготическом стиле, носит негласное название «дача Шаляпина», хотя и нет достоверных сведений, что певец здесь бывал (но вполне мог, так как Котлов был известным театралом).

В то же время многое связывает Шаляпина с дачными курортами юга. В частности, в 1916 и 1917 годах он гостил на вилле «Орлиное гнездо» О. М. Соловьевой близ Гурзуфа (в советское время на территории этих владений был открыт пионерский ла-

герь «Артек»). В 1917 году он решился и купил у Соловьевой участок и планировал на «пушкинской скале» построить свой «Замок искусств». В 1917 году Шаляпин арендовал и дачу (бывший «пансион госпожи Ушаковой») в Кисловодске.

Таким образом, Шаляпин любил разнообразие российской природы и даже «фиксировал» для себя возможность им наслаждаться съемом или строительством именно дач.

Дачи способствовали внутренней колонизации страны, расширяли общественное восприятие просторов России. Владелица курорта Суук-Су О. М. Соловьева в 1913 году жаловалась: дачи южного берега Крыма так и не привлекли ту публику, которая привыкла отдыхать на зарубежных курортах. Проблему она видела в транспортной доступности, а также крайне низком уровне благоустройства общественных мест: по словам Соловьевой, «курорты, прославленные в литературе, как “алмазы и жемчужины” крымского побережья, оказываются вставленными, к сожалению, в такую плохую оправу, которая лишает их права на конкуренцию с курортами запада» [8, 241].

Транспортная доступность и инфраструктура в целом — проблема не только дач Южного Крыма, но и центральной России (в окрестностях Петербурга эта проблема была довольно рано решена, что видно из писем 1870-х годов, в частности В. И. Сурикова).

На летний сезон из городов в пригороды пускали специальные дачные поезда, в том числе и для дачных нужд. В 1907 году была запущена московская окружная железная дорога, которая в настоящее время стала частью МЦК. Однако «в сезон» поезда были набиты битком (А. П. Чехов. «Шутка в одном действии», 1889). В 1913 году пресса отмечала: «Поездов ходит порядочно, но ровно столько, сколько ходило пять-шесть лет назад, а дачные местности разрослись. С пассажирами обращаются, как со стадом баранов, вагоны берутся приступом, а мест нет даже в 1-м и 2-м классе» [10].

Больше всего от этого страдали отцы семейства, курсировавшие между городом и дачей. Именно такой глава семьи изображен на картине В. Е. Маковского «Приезд на дачу» (1899). На ней человек с длинной бородой (*a la* художник Шишкин), в дорожной одежде, идет к дому и держит в руках большие коробки. За ним идет горничная (судя по переднику) и мальчик, несущие остальные

вещи приезжего. Как он вез все, что сейчас несут они и сам он держит в руках, трудно представить. Понятие «дачный муж» — отец семейства, вынужденный разрываться между городом и дачей, где отдыхает его семья, стало нарицательным. «На вокзале и в вагоне будешь стоять, растопыривши руки, раскорячившись и поддерживая подбородком какой-нибудь узел, весь в кулках, в картонках и в прочей дряни...», — жаловался чеховский «дачный муж» Толкачов в «Трагике поневоле (Из дачной жизни)» (1889). При этом Толкачов — статский советник, что по Табели о рангах соответствует нижнему генеральскому чину.

В дачных поселках стали появляться места для гуляний, театры, библиотеки, клубы. На картине И. И. Шишкина «Около дачи» (1894) мы видим женщину, отдыхающую на скамейке, оборудованной на специально выделенном месте гуляния. Там, где могут ходить дачники (на «променаде»), снят дерн, и земля плотно утрамбована.

Театр в подмосковной Малаховке, рассчитанный, в первую очередь, на дачную публику, был известен по всей России. Старожилы вспоминают, что в одной из лож был автограф Ф. И. Шаляпина, бережно сохранявшийся здесь вплоть до пожара 1999 года.

На дачах курортных мест получило распространение такое явление, как «курзаль». Это большие помещения, предназначенные для общественных мероприятий дачников. Одна из улиц Геленджика называется «Курзальной». Был свой «курзал» и в северном Сестрорецке. Как отмечает О. Чегодаева, к началу XX века «в каждом дачном поселке были увеселения: катание на лодках, музыка, танцы, театры самодеятельности, да и спортивных развлечений хватало — велосипеды, лаун-теннис, футбол» [21, 61].

Для улучшения инфраструктуры дачных центров возникали специализированные общества, например «Общество благоустройства дачного поселка Коктебель». Именно оно взяло на себя обеспечение правильного почтового сообщения, поддерживало порядок и чистоту на улицах, следило за санитарной частью. Благодаря этому обществу, в 1905 году один из путеводителей назвал Коктебель «интеллигентским курортом». Улицы здесь стали носить имена писателей, а один из резидентов назвал свою дачу «Вишневый сад» [11, 175–176]. Самыми известными постояльцами Коктебеля стали писатели В. В. Вересаев и, конечно же,

М. А. Волошин, с чьим именем и ассоциируется этот курорт. Одной из достопримечательностей Коктебеля является кофейня, расположенная на берегу моря и расписанная приезжающими художниками.

В литературе подмечено сближение некоторых форм усадебной жизни с дачной, характерное для рубежа XIX–XX веков. [12, 360]. Как представляется, это было связано с двумя причинами. Во-первых, многие дачи возникли на месте старых дворянских гнезд. Например, наследники фабриканта П. М. Рябушинского, приобретшего имение Кучино у помещика Рюмина, отказались от раздела имения и построили в разных концах большого усадебного парка дачи, где жили самостоятельно и независимо друг от друга [1, 243].

Во-вторых, дачное времяпрепровождение — своего рода апелляция к благородной праздности, характерной для усадебного быта. Дачники словно копировали помещичий образ жизни, причем как отрицательный (снобизм в отношении окружающих, вспомним чиновника из «Новой дачи» Чехова), так и положительный (например, превращение дач в культурные центры).

Иногда обе эти причины соединялись. Так С. И. Мамонтов, приобретший имение Аксаковых, музеефицировал усадебный быт и превратил Абрамцево в дачную «колонию» для деятелей культуры.

Как в свое время дворянские гнезда привлекали видных деятелей культуры (вспомним хотя бы имение Вяземских-Шереметевых Остафьево), так и дачи стали местом встреч представителей интеллигенции. Дача как культурная колония нашла отражение во многих литературных произведениях. Так, в рассказе Чехова «Попрыгунья» (1891) дачей врача Дымова и его жены («попрыгуньи») пользовались и артисты, и художники. Эта же ситуация воспроизведена и в стихотворении Саши Черного, вынесенного в качестве эпиграфа к данной статье.

Кроме того, альбомы, которые часто велись в дворянских семьях (в первую очередь, молодыми их представительницами) иногда велись и на дачах. Так, в частности, появилась знаменитая «Чукоккала». Этот альбом стал самым известным показателем того, насколько важным культурным центром может быть дача. Название было придумано соседом Чуковского, великим русским художником И. Е. Репиным: первые буквы

фамилии владельца и последние слоги названия поселка (Куоккала).

В этой книге оставили свои автографы и рисунки писатели (А. А. Ахматова, А. М. Горький, В. В. Маяковский, Б. Л. Пастернак и др.), художники (А. Н. Бенуа, И. Е. Репин и др.), артисты и режиссеры (В. Э. Мейерхольд, Ф. И. Шаляпин и др.). Интересны летописные записи о начале Первой Мировой войны:

«20-го июля 1914, в день св. пророка Ильи, в первый день Великой Европейской войны, в 70-летнюю годовщину И. Е. Репина, мы, праздновавшие с дорогим именинником этот день, собрались у Чуковских и читали “Пир во время чумы”. Н. И. Кульбина потребовали немедленно в Главный штаб. За Арнштамом прислали артельщика для немедленного отъезда из Куоккала [...].

21-е июля. Протестую против своего бегства. Артельщиков задержал. Сам на посту в Куоккале. А. Арнштам» [23, 46].

Даже в этих небольших абзацах мы видим имена деятелей культуры первой величины (сам хозяин дачи, Чуковский, юбиляр Репин, критик А. М. Арнштам).

Дача Чуковского в Куоккале — яркий, но далеко не единственный пример «культурной колонии». В Судаче центром притяжения были дома Ф. Ф. Функа и Герцыков, в Коктебеле — М. Волошина. Рядом с Геленджиком находилась дача В. Г. Короленко.

В рассказе «Из воспоминаний идеалиста» Чехов справедливо пишет, что прелесть дачной жизни в ее однообразии: «Эта жизнь интересна тем, что день похож на день, ночь на ночь, и — сколько прелести в этом однообразии, какие дни, какие ночи!». Как вспоминала В. П. Зилова, «жизнь у всех дачников была почти одинакова, во всяком случае, по утрам. Все, кто мог, ходили купаться на Москву-реку; почти у всех стояли на бочках крытые купальни с проточными “ящичками”; купальни запирались на ключ. Среди лета... все гуляли, встречались и беседовали о политике, злорадствах дня и более всего о новых книгах» [7, 73].

Чеховский Лопахин рассуждал: «... дачник лет через двадцать размножится до необычайности. Теперь он только чай пьет на балконе, но ведь может случиться, что на своей одной десятой он займется хозяйством». На рубеже XIX–XX веков дачники редко обзаводились хозяйством: «...хозяйственную деятельность разводили единицы, разве что разбивали цветочные клум-

бы. В сезон разносчики приносили ягоды, и дачницы охотно варили варенье. Сами же дачники в лес за ягодами или грибами ходили редко...» [19]. Кстати, варка варенья отражена на нескольких вариантах картины В. Е. Маковского «Варят варенье» (1876). На них пожилая пара городского вида (например, у мужчины бриты усы и ухоженная стриженная борода) проводит время за этим занятием. Их же мы видим и на картине «Старички. Чаепитие» (1881).

О. Чегодаева приводит цитату из газеты «Московский листок»: «Сидит дама на террасе, книжка интересная, но читать надоело, гулять идти невозможно — жарко, а до вечера на кругу еще целая вечность» [21]. Вот как раз такой «круг» изображен на картине Шишкина «Около дачи». А дама явно не утерпела до вечера и вышла погулять раньше. Но и здесь она явно скучает. На картине А. А. Корзухина «Петрушка идет!» (1888) мы видим прогулку дачников: вдоль забора идут две женщины (одна с солнечным зонтом, другая с небольшой сумкой и собачкой на руках), и мужчина едет на пенни-фартинге.

Скуку дачной жизни отобразил и В. Е. Маковский. В первую очередь, для детей, как это видно на картине «Оленька и Коля на крыльце дачи» (1900-е). Если Оленька может развлекать себя чтением, то вот маленькому Коленке хочется чего-то менее спокойного. Но играть с ним особо некому: сестра читает, а отец (автор картины) рисует.

Ожидание и, наконец, встреча на даче, которые также были способны разбавить однообразие жизни, отражены на картине В. Е. Маковского «Приезд на дачу» (1899). Среди предметов выделяется удочка, она указывает на желаемый вид времяпрепровождения дачника. Приезжего на крыльце встречают члены семьи. Кстати, А. П. Чехов был заядлым рыбаком [3, т. 1, 662].

Среди отображенных дачных занятий выделяется рисование. На двух вариантах картины В. Е. Маковского «Дилетант» (1895) дачник упражняется в живописи. То, что он не профессиональный художник, можно понять по чиновничьей фуражке. На одном из вариантов картины из-за плеча новоиспеченного рисовальщика подсматривает мальчик-слуга. Судя по улыбке последнего, к занятию хозяина он относится снисходительно, хотя и не без интереса. Кроме того, В. Е. Маковский написал картину «Кукольное представление на дачах» (1908). На ней

бродячие артисты разыгрывают спектакль, а вокруг собрались дети дачников. К ним же присоединились и местные жители, такие же ребята, которые стали главными героями картины Корзухина «Петрушка идет!». В эстонской деревушке Силломяги дачники по инициативе И. П. Павлова устраивали настоящие турниры по игре в городки с торжественным награждением победителей [5].

Если для одних дачников уединение и даже скука дачной жизни ассоциировалась с отдыхом, то у других — с работой. Одним из первых волшебное свойство дач для повышения продуктивности рабочей деятельности отметил и начал использовать И. Е. Репин. По его инициативе с 22 июля 1884 года Академия Художеств стала арендовать у Министерства Путей сообщения участок «на сорока десятинах, прилегающих к землям крестьян деревни Малый Городок» (под г. Вышний Волочек Тверской губернии) [17]. Место это окрестили «Академической дачей», и предназначалось оно для летней практики, которая длилась два месяца и стала для малоимущих студентов подлинной школой «введения в мастерство». На этюды приезжали и преподаватели Академии Художеств. В 1898 году Репин написал большой этюд «На академической даче», на котором запечатлел студентов и преподавателей на пленэре.

Аналогично смотрел на дачи и И. И. Левитан. Летом 1899 года он, преподавая в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, снял для себя и своих учеников дачу в окрестностях подмосковного Кусково, где они ходили на этюды. Как аналог французской деревни, где в свое время жили известные пейзажисты — представители «барбизонской школы», Левитан эту колонию художников окрестил «Барбизоном» [4, 199]. Осенью Левитан со своими учениками переехал на дачу в соседнее Гиреево. В дальнейшем Левитан даже думал купить дачу, но кончина художника помешала осуществлению этих планов.

В советское время дачи, подобные организованным Репиным и Левитаном, превратились в «дома творчества» Союзов писателей, художников, композиторов, кинематографистов. Сохранились такие «дома творчества» и сейчас.

Настоящей «мастерской» для многих деятелей культуры стало известное Абрамцево. Купивший имение в 1871 году С. И. Мамонтов вскоре обустроил его так, что летом здесь

могли гостить и работать известные художники. В Абрамцево И. Е. Репин написал портрет жены на мосту (1879), а этюд В. М. Васнецова с видами окрестностей усадьбы (1881) лег в основу пейзажа картины «Богатыри» (1881–1898). Здесь же была создана знаменитая работа В. А. Серова «Девочка с персиками» (1887).

Можно вспомнить также о «музыкальных» и «театральных» дачных местах. Так, на даче Т. С. Любатович во Владимирской губернии в 1898 году Ф. И. Шаляпин и С. В. Рахманинов работали над воплощением образа Бориса в опере «Борис Годунов» [20, 147]. Недалеко, также на даче, отдыхал известный историк В. О. Ключевский. Общение с ним помогло Шаляпину лучше проникнуться образом Годунова: «Особенное впечатление произвели на меня диалоги между Шуйским и Борисом в изображении В. О. Ключевского. Он так артистически передавал их, что, когда я слышал из его уст слова Шуйского, мне думалось: “Как жаль, что Василий Осипович не поет и не может сыграть со мною князя Василия!” [...] Позднее я очень часто пользовался его глубоко поучительными советами и беседами» [22, 148–149]. Судя по переписке, Шаляпин с Рахманиновым были заняты на даче Любатович не только «Борисом Годуновым». Они работали над образом Фальстафа из оперы Николаи «Виндзорские проказницы» и Галеофы из оперы Ц. А. Кюи «Анджело».

Окрестности дачного Пушкино по Ярославской железной дороге оказались местом становления Московского художественного театра. Здесь находилось имение Алексеевых Любимовка, где в день рождения матери Елизаветы Васильевны 14-летний гимназист Костя Алексеев (будущий великий режиссер Станиславский) впервые поставил свой спектакль — водевиль «Чашка чая».

В 1877 году здесь был оборудован отдельный театральный флигель. В 1902 году в гостях у К. С. Станиславского в Любимовке начал свою работу над пьесой «Вишневый сад» А. П. Чехов.

Основанный в 1898 году МХАТ проводил репетиции в соседней Тарасовке, где участники спектакля «Федор Иоаннович» по пьесе А. К. Толстого снимали дачи, куда из Любимовки ездил Станиславский.

С середины XIX по начало XX века дачи стали важным фактором жизни городского (которое ими пользовалось) и сельского (которое их обслуживало) населения России. Они влияли как на внутреннюю колонизацию страны, так и на быт населения. Для кого-то они стали возможностью отдыха и смены обстановки, для кого-то сублимацией творческой активности. Можно выявить несколько вариантов дачного времяпрепровождения: наем на долгое время или на месяц; жизнь в крестьянском доме, немного переоборудованном для дачи, или в усадьбе; отдых в окрестностях Петербурга, в Среднерусской полосе, на южных курортах и т. д. Все эти типы отвечали запросам и потребностям растущего «среднего класса», представителей чиновничества, интеллигенции. Особую роль дачи стали играть в культурной жизни страны, и значительная часть произведений литературы и изобразительного искусства создавалась или хотя бы обдумывалась на дачах. Дачные образы наполнили произведения писателей и художников. Кто-то просто запечатлел дачный быт, а кто-то через образы дачников вывел настоящие социокультурные типы. Если в первом случае дачники являлись просто представителями городского мира, оказавшимися за городом, то во втором — это неприкаянные представители интеллигенции, тяготящиеся тем, что они всюду «временно».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бахрушин Ю. А. Воспоминания. М. : Художественная литература, 1994. 726 с.
2. Богданов В. П. Памятники искусства и историческая наука // Художественное образование и наука. 2015. № 4 (5). С. 85–89.
3. Бродская Г. Ю. Алексеев-Станиславский, Чехов и другие. Вишневосадская эпопея. Т. I, II. М. : АГРАФ, 2000.
4. Бугров А. В. К востоку от старой Москвы. Иваново : Изд-во Ивановской государственной химико-технологической академии, с. ил., факс., карт.; 20. 1997. 221 с.
5. Громова Л. И. Павловы в Силламягах: новые документы // Интегративная физиология. 2021. Т. 2. № 2. С. 116–134.
6. Дача в межевом законодательстве // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. X (Давенпорт — Десмин). СПб., 1893. С. 162–163.

7. Зилоти В. П. В доме Третьякова. М. : Искусство, 1998. 349 с.
8. Карагодин А. В. Дачные курорты на Южном берегу Крыма в конце XIX – начале XX века: методологические и источниковедческие аспекты исследования : дисс. на соискание степени докт. ист. наук. М., 2023.
9. Константин Коровин вспоминает. М. : Изобразительное искусство, 1971. 912 с.
10. Ляровский А. Похождения дачного мужа // Родина. 2000. № 8. С. 115–118.
11. Мальгин А. В. Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII – начало XX века. Симферополь : Сонат, 2004. 352 с.
12. Марасинова Е. Н., Каждан Т. П. Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX в. Т. 1. Общественно-культурная среда. М. : Изд-во Московского университета, 2005. С. 265–375.
13. О раздаче в г. Кронштадте загородной земли под постройку домиков или дач // Полное собрание законов Российской Империи. 2-е собр. Т. 19. 1844. № 18478 (29 ноября 1844 года).
14. О раздаче в окрестностях столиц пустопорожных земель под устройство дач на сроки до тридцати лет // Полное собрание законов Российской Империи. 2-е собр. Т. 22. 1847. № 21387 (7 июля 1847 года).
15. Орлова А. Ф. Из воспоминаний о семейной жизни В. Г. Белинского // Виссарион Григорьевич Белинский в воспоминаниях современников. Л. : АCADEMIA, 1929. С. 350–352.
16. Полный путеводитель по всем дачным окрестностям Москвы / сост. Н. Н. Ч. М. : Д. Дмитриев и К°, 1894. 19 с.
17. Романьчева И. Академическая дача. История и традиции. СПб. : Петрополь, 2009. 182 с.
18. Суриков В. И. Письма. Воспоминания о художнике. Л. : Искусство, 1977. 381 с.
19. Фадеева О. Курорт Геленджик: истоки. Исторический путеводитель. Краснодар : И. Платонов, 2021. 220 с.
20. Федор Иванович Шаляпин. Т. 1. Литературное наследство. М. : Искусство, 1957. 866 с.
21. Чегодаева О. «И свободнее вздохнуть, и пошире оглядеться...». Чем стали дачи для горожан дореволюционной России // Родина. 2018. № 7. Июль. С. 61
22. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л. : Наука, 1989. 544 с.
23. Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М. : Искусство, 1979. 448 с.
24. Щукин В. Г. Чеховская дача: феномен и образ // Очерки русской культуры XIX века. Т. 5. Художественная литература. Русский язык. М. : Изд-во Московского университета, 2005. С. 414–459.
25. Юхнева Е. Петербургские доходные дома. М., 2008. 491 с.

REFERENCES

1. Bakhrushin Yu. A. Vospominaniya [Memories]. Moscow, 1994. 726 p. (In Russian)
2. Bogdanov V. P. Monuments of Art and Historical Science. *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka [Arts Education and Science]*. 2015, no. 4 (5). P. 85–89. (In Russian)
3. Brodskaya G. Yu. Alekseev-Stanislavsky, Chekhov i drugie. Vishnevoadskaya epopeya [Alekseev-Stanislavsky, Chekhov and Others. The Cherry Orchard Epic]. Vol. I, II. Moscow, 2000. (In Russian)
4. Bugrov A. V. K vostoku ot staroi Moskvy [To the East of Old Moscow]. Ivanovo, 1997. 221 p. (In Russian)
5. Gromova L. I. The Pavlovs in Sillamyagi: New Documents. *Integrativnaya fiziologiya [Integrative Physiology]*. 2021, vol. 2, no. 2. P. 116–134. (in Russian)
6. Dacha in Boundary Legislation. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]*. Vol. X (Davenport — Desmin)]. Saint Petersburg, 1893. P. 162–163. (in Russian)
7. Ziloti V. P. V dome Tret'yakova [In Tretyakov's House]. Moscow, 1998. 349 p. (In Russian)
8. Karagodin A. V. Dachnye kurorty na Yuzhnom beregu Kryma v kontse XIX – nachale XX veka: metodologicheskie i istochnikovedcheskie aspekty issledovaniya [Dachas on the Southern Coast of Crimea in the late XIXth and early XXth centuries: methodological and source-based aspects of the study]. Doctoral dissertation. Moscow, 2023. (in Russian)
9. Konstantin Korovin vspominaet [Konstantin Korovin Remembers]. Moscow, 1971. 912 p. (In Russian)

10. Lyarsky A. The Adventures of a Dacha Man. *Rodina [Motherland]*. 2000, no. 8. P. 115–118. (In Russian)
11. Mal'gin A. V. Russkaya Riv'era. Kurorty, turizm i otdykh v Krymu v epokhu Imperii. Konets XVIII – nachalo XX v. [The Russian Riviera. Resorts, Tourism and Recreation in Crimea in the Imperial Era. Late XVIIIth – early XXth centuries]. Simferopol, 2004. 352 p. (In Russian)
12. Marasinova E. N., Kazhdan T. P. Culture of the Russian Estate. *Ocherki russkoi kul'tury XIX v. [Essays on Russian Culture of the XIXth century]*. Vol. 1: *Obshchestvenno-kul'turnaya sreda [Socio and Cultural Environment]*. Moscow, 2005. P. 265–375. (In Russian)
13. On the Distribution of Suburban Land in Kronstadt for the Construction of Houses or Dachas. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]*. Vol. 19. 1844, no. 18478 (November 29, 1844). (In Russian)
14. On the Distribution of Unused Land in the Vicinity of Capitals for the Construction of Dachas for a Period up to Thirty Years. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]*. Vol. 22. 1847, no. 21387 (July 7, 1847). (In Russian)
15. Orlova A. F. From Memories of V. G. Belinsky's Family Life. *Vissarion Grigorievich Belinsky v vospominaniyakh sovremennikov [Vissarion Grigorievich Belinsky in the Memoirs of His Contemporaries]*. Leningrad, 1929. P. 350–352. (In Russian)
16. N. N. Ch. (ed.) *Polnyi putevoditel' po vsem dachnym okrestnostyam Moskvy [Complete Guide to All Dacha Suburbs of Moscow]*. Moscow, 1894. 19 p. (In Russian)
17. Romanycheva I. *Akademicheskaya dacha. Istoriya i traditsii [Academic Dacha. History and Traditions]*. Saint Petersburg, 2009. 182 p. (In Russian)
18. Surikov V. I. Pis'ma. *Vospominaniya o khudozhnike [Letters. Memories of the Artist]*. Leningrad, 1977. 381 p. (In Russian)
19. Fadeeva O. Kurort Gelendzhik: istoki. *Istoricheskii putevoditel' [The Gelendzhik Resort: Origins. Historical Guide]*. Krasnodar, 2021. 220 p. (In Russian)
20. Fyodor Ivanovich Chaliapin. Vol. 1. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*. Moscow, 1957. 866 p. (In Russian)
21. Chegodaeva O. "To Breathe More Freely and Look Around More Widely...". What Dachas Became for Citizens of Pre-Revolutionary Russia. *Rodina [Motherland]*. 2018, July, no. 7. P. 61. (In Russian)
22. Chereisky L. A. *Pushkin i ego okruzhenie [Pushkin and His Circle]*. Leningrad, 1989. 544 p. (In Russian)
23. Chukokkala : Korney Chukovsky's handwritten almanac. Moscow, 1979. 448 p. (In Russian)
24. Shchukin V. G. Chekhov's Dacha: Phenomenon and Image. *Ocherki russkoi kul'tury XIX v. [Essays on Russian Culture of the XIXth century]*. Vol. 5. *Khudozhe-stvennaya literatura. Russkii yazyk [Fiction. Russian Language]*. Moscow, 2005. P. 414–459. (In Russian)
25. Yukhneva E. *Peterburgskie dokhodnye doma [Saint Petersburg Apartment Buildings]*. Moscow, 2008. 491 p. (In Russian)

Информация об авторе:

Богданов В. П. — доктор исторических наук, старший научный сотрудник МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор кафедры гуманитарных дисциплин РГСАИ.

Information about the author:

Bogdanov V. P. — Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at Lomonosov Moscow State University, Associate Professor, Dean of the Faculty of Fine Arts at the Russian State Specialized Academy of Arts.

Статья поступила в редакцию 17 июля 2025 года; одобрена после рецензирования 25 августа 2025 года; принята к публикации 28 августа 2025 года.

The article was submitted July 17, 2025; approved after reviewing August 25, 2025; accepted for publication August 28, 2025.